

**Санкт-Петербургский государственный университет
Исторический факультет
Кафедра истории древней Греции и Рима
Центр антиковедения**

МНЕМОН

**Исследования и публикации по истории
античного мира
Под редакцией профессора Э.Д. Фролова**

Выпуск 5

**Санкт-Петербург
2006**

Е.А. Круглов
Культ Аполлона Тельмесского
(каро-ликийские истоки
эллинистического учения Эвгемера)

Для специалистов не секрет, что самый процесс усвоения рядом народов «варварской периферии» Эгеиды полисного уклада жизни как главного критерия перехода варваров в мир эллинов¹ начался еще до VII-VI веков² и, по-видимому, восходил ко временам, когда ряд этносов восточной Эгеиды вкупе с прото-киприотами, ахейцами и данайцами (ахайваша и данаой) взаимодействовали в рамках известной коалиции «народов моря». Говорить при этом, что XIV-XII века были временем перехода автохтонов Эгеиды на эллинский путь развития, конечно, не приходится, так как и сами ранние эллины той поры были еще далеки от полисного уклада. Но процесс взаимодействия и определенного взаимообогащения культур уже несомненно шел, что подтверждается изысканиями широкого круга археологов, палео-лингвистов, мифологов и религиоведов³.

В особенности это находит свое подтверждение в области ранне-греческого культа, где ряд фигур античного пантеона восходят к кругу Ближнего Востока (Афродита, Адонис), другие персонажи мифов – к догреческому, пеласгическому, субстрату Балкан и

¹ Toynbee A.J. 1) Hellenism. The History of Civilization. London, 1959. P. 3; 2) Some problems of Greek History. London, 1969. P. 59; Cook J.M. The Greeks in the East. New York, 1963. P. 148 (со ссылкой на слова Исократы, что «греков отличает не раса, а полисный образ жизни»).

² Именно этот временной рубеж фиксирует, как водораздел варварства и эллинизма, британский философ-антиковед М.Уэст: West M.L. Early Greek philosophy and the Orient. Oxford, 1971. P. 214.

³ Свод ближневосточных заимствований греками ранней поры и библиографию темы см.: Яйленко В.П. Архаическая Греция и Ближний Восток. М., 1990. С. 119 слл.

Малой Азии. На территориях этого региона Эгеиды со времен легендарного Огигова потопа обитали карийцы (кары) и оттесненные ими от побережья ликийцы, известные в традиции больше как лелеги.

Если карийцев традиционно рассматривают в качестве древнейших островитян и, в составе пеласгов, как ранних жителей Аттики и Фессалии, Истма и Пелопоннеса⁴, то относительно лелегов новейшие изыскания лингвистов показывают, что нарративная античная традиция в их лице столкнулась с сильно гетерогенным этносом скорее, все-таки, анатолийского круга: греч. Λέλεγες восходит к хетт. *luluhes* или *lulukes*, т.е. к *lukka* из коалиции «народов моря», ликийцам Малой Азии⁵.

При этом у лелегов-ликийцев была, несомненно, заметная составляющая их этногенеза не только из Анатолии, но и с Балкан. Во всяком случае именно с лелегами связывают догреческую сероглиняную (минийскую) керамику, которая начинает покидать Балканы с XIX века до н.э.⁶ А это именно то время, когда из-за Дуная начинают переселяться ахейцы, частью ассимилируя, частью вытесняя автохтонных пеласгов на юг. Видимо, в это же время под давлением ахейцев часть лелегов, покидая Балканы, оказывается на Крите, где в качестве трамилов (термилов) они вмешиваются в династическую борьбу за власть на острове.

Маркерная для балканских лелегов минийская керамика исчезает с берегов Минийского центра примерно в XVII веке до н.э.⁷ По-видимому, ее исчезновение находится в какой-то связи с тем,

⁴ Откупщиков Ю.В. Догреческий субстрат. Л., 1988. С. 48 сл.

⁵ Kuentz Ch. *Le Bataille de Qadech*. Caire, 1928. S. 28; Ormerod H.A. *Piracy in the Ancient World*. London, 1924. P. 82; Nibby A. *The Sea Peoples and Egypt*. New Jersey, 1975. P. 102f; Barnett R.D. *The Sea Peoples // CAH*. Vol. II. 1953. P. 968-970.

⁶ Palmer L.R. *Mycenaeans and Minoans*. London, 1961. P. 26; Burn A.R. *Leleges // Oxford Classical Dictionary*. Oxford, 1970. P. 594.

⁷ Palmer L.R. *Op. cit.* P. 211-212. *cp.*: Mylonas G.E. *The Luvian invasions of Greece // Hesperia*. Vol. 31. 1962. № 3. P. 286-288. По мнению ряда исследователей (Houwink Ten Gate Ph. H. J. *The Luwian Population Group of Lycia and Cilicia Aspera*. Leiden, 1961. P. 191 sq; Laroche E. *Lyciens et Termiles // RA*. 1976. P. 15 sq; Бест Й. К интерпретации надписей линейного письма А // ВДИ. 1987. № 1. С. 159-167), память о лелегах-ликийцах на Крите запечатлели спиралевидные по графике лувийские надписи Кносса, Феста, Гортины и Маллии.

что принявшие сторону Сарпедона лелеги-трамилы, после проигрыша схватки братом Миноса, вынуждены были покинуть Крит и через острова Архипелага переселиться на запад Малой Азии. На побережье Анатолии лелеги принесли, наряду с материальной культурой, и минойские традиции генекократии, которые сохранились в восточной Эгеиде вплоть до эпохи эллинизма⁸.

Здесь-то, на юго-западе Малой Азии, лелегов-ликийцев уже и застали эллины в тесном взаимодействии с карами.

Кары же, теснимые после Троянской войны (Diod., V, 23) шедшими с севера дорийцами и фригийцами, стали отступать с Балкан и из Троады на юг, вытесняя в свою очередь отсюда лелегов-ликийцев и занимая их прибрежные малоазийские земли. В период Ионийской колонизации эллины покоряли на Понте мариандинов, в Кизике – долионов и мигронов (Strabo, XII, 8, 10), в Траллах – миниев, в Милете – гергитов (Athen., XII, 523f). За два-три века до них подобным же образом поступали кары, захватив некогда ликийские Кавн и Дидимское святилище, Идимы и Термеру (Plut. Quest. Gr., 46; Her., I, 172; Athen., VI, 271f).

При этом ранние кары отличались очень высокой степенью восприимчивости и адаптации достижений своих соседей. Так, в сфере керамики и погребального культа они надолго сохранили воздействие традиций Микен и позднеминойского Крита. В обработке металлов и слоновой кости, как отмечал еще Гомер (II, IV, 141), были тесно связаны с меонийцами Лидии, а в области кораблестроения находились под заметным влиянием финикийцев (Thuc., I, 8). Влияние последних, и не только в корабельном деле, было столь велико, что саму Карию подчас называли Фэникой (Athen., IV, 174).

В соседней Ликии картина была несколько иной. Ее неприветливо-угрюмые берега с отвесными скалами и воинственное население свели на нет попытку финикийцев обосноваться, подобно Карию, на этой территории⁹. Лишь в эпоху эллинизма династы Ли-

⁸ Kohler und Ziebarth. Stadtrecht von Gortyn. Gottingen, 1912. S. 52; Колобова К.М. Из истории раннегреческого общества. Л., 1951. С. 234-238; Herzfeld E. The Persian Empire. Wiesbaden, 1968. P. 257f; Wilhelm A. Zu Griechischen Inschriften // АЕМ. Bd. 20. 1987. S. 77.

⁹ Курциус Э. История Греции. М., 1876. Т. 1. С. 31. Ср.: Трачевский А.С. Древняя история. СПб., 1883. С. 115: «Ликийцы, среди которых было много финикийцев и греков, к VI веку отличались значительной городской культурой».

кии охотно и активно торговали с Египтом кедром, платаном, елью и другими древесными породами (Plin. Nat. Hist., XII, 9; XVI, 137), но тут уже сказывалось влияние космополитического времени, сумевшего преодолеть основные барьеры былой этнической изоляции.

Что же касается эпохи Микен и ранней архаики, то в это время как жизненный уклад ликийцев, с его сильными архаизмами матриархата, так и сама их культура были еще почти не подвержены заметному иноземному влиянию. Именно культура Ликии дольше всего сохраняла свою самобытность и самодостаточность, будучи своеобразным «поставщиком» религиозных традиций и культов прежде всего для соседей-каров, а через них – и далее на Балканы.

В этом плане, говоря о религиозно-культовой практике населения юго-западной Анатолии, обратимся к интересному ряду лексических параллелей из языка каров и ликийцев, отраженных в том числе и в нумизматике. Так, на серии карийских монет конца V века из коллекции Национальной библиотеки Франции отчетливо читается легенда *εγβίνα*, восходящая к династийному имени ликийских правителей VI-V веков¹⁰, которое сохранялось здесь и позднее в ряду топонимов восточной Эгеиды (Paus., VI, 21, 8; St. Byz. s.v. Ἀρβάνιον). Храмовые центры с почти идентичными названиями Тельмесса и Тельмиссос находились поблизости друг от друга на границе Ликии и Карики; причем из последнего была родом мать фригийского царя Мидаса (Arg. Anab., II, 3).

Неудивительно, что сходным образом у соседей звучали слова «жрец» (карийское и ликийское *kave*), «добро» (карийское и ликийское *sav*, хеттское *as-sau*), «Бог» (карийское *me-sne*, ликийское *mas-sana*, хеттское *si-na*), а также целый ряд других терминов сакрально-храмовой сферы¹¹. Это касается в том числе и священного атрибута верховного карийского божества Зевса Лабранда – двой-

¹⁰ Babelon E. Catalogue des monnaies grecques de la Bibliotheque Nationale. Paris, 1893. S. 283-285, mon. № 382; Шеворошкин В.В. Исследования по дешифровке карийских надписей. М., 1965. С. 245; Morkholm O., Zahle J. The Coinages of the Lycian Dynasts // Ac. Arch. Vol. 47. 1976. P. 87-88; Bryce T.R. Political Unity in Lycia during the «Dynastic» Period // JNES. Vol. 42. 1983. P. 37f.

¹¹ Иванов В.В. Хеттский язык. М., 1963. С. 212; Georgiev V. Introduction to the History of the Indo-European Languages. Sofia, 1981. P. 213f.

ного топора-лабриса. Еще античная традиция (Plut. Quest. Gr., 45; Diod., IV, 31; Apollod. Bibl., II, 6, 3) указывала на его пришлый характер. Антиковеды XX века, от Й. Шэфера и П. Кречмера до Л.А. Гиндина и Ю.В. Откупщикова, прародину лабриса локализируют достаточно широко – от Двуречья и Ассирии на востоке до Крита на западе, отдавая предпочтение все-таки минойской цивилизации¹². В этом плане еще полвека назад Г. Галлаотти выдвинул ликийскую версию происхождения двойного топора, но скудность лингвистического материала (подобно карийским, тексты Ликии имеют лишь общее толкование, но отнюдь не калькированный перевод) донныне оставляет вариант итальянца на уровне гипотезы¹³.

Тем не менее, тесное взаимодействие каров с соседями из Ликии, Лидии и Мисии – очевидный факт, нашедший среди прочего свое зримое воплощение в длительном *совместном* их почитании в карийской Хрисаорейе культа Зевса Лабрандея-Стратия (Her., I, 171; Strabo, XIV, 2, 23)¹⁴. Ко времени Страбона в состав этого союза Хрисаорейона входило немало демонов, среди которых заметно выделялась своей культовой древностью Миласа. Вплоть до римских времен, пережив все ветры эллинизации, три миласских филы сохраняли свои исконные догреко-пеласгические названия: *Ταρχοῦδα*, *Ὀτῳρκούδα* και *Λαβρανδα* (SIG № 2695).

Как бы ни трактовалась семантика лабриса (астральный культ верховного мужского божества или, напротив, символ хтонического культа Великой Богини), несомненной выглядит его связь с Кносским лабиринтом минойского Крита. Что же касается двух первых миласских фил-сингений, то их названия не известны на Крите и Балканах. Но зато они органичны для Анатолии, где до

¹² Schaefer J. De Jove apud Cares culto. Halle, 1912. P. 355 sq; Nilsson M.P. The Minoan-Mycenaen religion. Lund, 1927. P. 186 ff; Brentjes B. Von Schanidar bis Akkad. Leipzig, 1968. S. 88-89; Гиндин Л.А. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. М., 1967. С. 43-46, 160 сл. Подробный разбор мнений и аргументаций по части лабриса см.: Откупщиков Ю.В. Указ. соч. С. 71, 123-128.

¹³ Gallavotti G. Labyrinthos // PdP. Vol. 54. 1957. S. 162 sq.

¹⁴ Heller A. De Cariae Lydiaeque sacerdotibus // JCPH. Bd. 18. 1892. S. 213 sqq; Jeffery L.H. Old Smyrna // BSA. Vol. 59. 1964. P. 42-48; Pedley J.G. Carians in Sardis // JHS. Vol. 94. 1974. P. 97f. Подробнее о культе андрогинного, судя по ранней иконографии, Зевса см.: Cook A.B. Zeus. A study in ancient religion. Vol. II. Cambridge, 1925. PP. 533, 552-557; Элиаде М. Мефистофель и Андрогин. СПб., 1998. С. 171.

позднего времени сохранялся хетто-митаннийский, т.е. хатто-хурритский, культ Tarcha-Torkon'a. В доарийской Армении (т.е. Урарту) он был известен как Торк-Ангех¹⁵, у лувийцев Ликии – бог бури и молнии Trqqas¹⁶, в Карию – Оторконд Миласский.

Анатолийский Тархон/Торкон имеет любопытный отголосок и в этрусской среде Италии. Согласно мифологической традиции, основателем на Апеннинах 12-градья этрусских городов, в том числе Мантуи и Тарквинии, был соратник Энея Тархон, сын не то Тиррена, не то Телефа (Strabo, V, 219; Verg. Aen., X, 153).

Но чьим бы сыном ни считался Тархон этрусский¹⁷, его корни с несомненностью восходят к Эгео-Анатолийскому региону, так как ядро этрусков – тиррены – прибыли на Апеннины вскоре после Троянских событий с лидийских берегов Малой Азии. Здесь они некогда в качестве «турша» входили в состав коалиции «народов моря», почитая автохтонные же традиции и культы западной Анатолии.

Уйдя затем на запад, они постарались сохранить там то, что напоминало им прародину. Еще Элиан отмечал (Var. Hist., II, 33), что в сицилийской Эгесте с древних времен почитали в качестве священного ручей Тельмессу, воды которого обладали целебными свойствами. Как уже указывалось выше, в античности храмовые центры с тем же названием известны были только в одном регионе Ойкумены – на границе Ликии и Карию¹⁸. Видимо, не случайно археологи находят в нурагах (конусовидных башнях-усыпальницах) Сардинии эпохи бронзы votivные топорыки – лабрисы, сходные как с жезлами этрусских лукумонов, так и с лабрисами Крита, Карию и Ликию¹⁹.

Сходным образом выглядят и скальные гробницы ранних этрусков, аналогичные ликийским, и почитание ими Тархона либо как этнородового первопредка, либо как бога. Как полагал позднее в «Священной хронике» Эвгемер, для древности эти два понятия были подчас

¹⁵ Абемян М. История древнеармянской литературы. Ереван, 1975. С. 23-25; Арутюнян С.Б. Торк-Ангех // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1992. С. 521.

¹⁶ Laroche E. Dictionnaire de la langue louvite. Paris, 1959. P. 127; Houwink Ten Gate Ph. H. J. Op. cit. P. 203; Haas V. Hethitische Berggotten und hurritische Steindamonen. Mainz, 1892. S. 23.

¹⁷ Немировский А.И. Тархон // Мифологический словарь. М., 1992. С. 532.

¹⁸ Ruge W. Telmessos // RE. Bd. V-A(I). 1934. St. 409-415; Deeters. Lykia // RE. Bd. XIII (II). 1927. St. 2272-2273.

¹⁹ Guido M. Sardinia. New York, 1963. P. 60-62; Пендлбэри Дж. Археология Крита. М., 1950. С. 231.

идентичными; вспомним, к примеру, дорического Геракла. Упоминание о нем в данном случае имеет свой смысл, ибо Тархон этрусский по одному из вариантов мифа был Гераклид, сын Телефа. А большая часть жизни Телефа, согласно мифам, как раз и была связана с лидийской Мисией, откуда Эней с Тархоном отплывали на запад и где еще до Трои Телеф был ранен копьем Ахилла (Apollod. Epit., III, 17, 20). Копье это, бывшее причиной как раны, так и излечения Телефа, вплоть до эпохи классики хранилось в храме Фаселиды ликийской (Paus., III, 3, 8), где традиционно отправлялся культ Гераклова сына, отца ликийского бога Тархона, и где почиталась сама могила Телефа²⁰. В какой-то связи с этим «стихийным» эвгемеризмом следует, видимо, рассматривать и серию монет VII-I веков от Эфеса до ликийского Кавна, несущих на аверсе изображение оленя или лани²¹, которая некогда вскормила младенца Авги и тем самым «обеспечила» ему имя Телеф – «сосущий лань» (Apollod. Bibl., II, 7, 4).

Сын Геракла, излеченный от раны Ахилла по совету Аполлона, от своего рождения в Арголиде и до кончины в Ликии был тесно связан с культом бога-прорицателя Аполлона. Последний же, как бог искусства, поэзии и музыки, широко почитался аристократическими родами Эллады и на правах сына Зевса имел свое знаменитое прорицалище в Дельфах. Между тем, даже в это время, он, по поверьям эллинов, на зиму покидал Элладу и проводил три месяца изредка на севере, в краях гиперборейских, но чаще в Ликии. Да и в ходе Троянской войны он явно не случайно был на стороне автохтонов Анатолии (Ном. II., I, 43 сл., V, 446).

Эти и другие факты, вместе взятые, дают основание специалистам-мифологам полагать, что рождение Аполлона матерью Лето на Делосе – явно позднегреческая трактовка мифа о происхождении Феба²², для культа которого если и не исходным, то очень ран-

²⁰ Treuber O. Geschichte der Lykier. Stuttgart, 1887. S. 71-73; Hrozny B. Die älteste Geschichte Vorderasiens und Indiens. Praha, 1941. S. 183; Колобова К.М. Указ. соч. С. 230.

²¹ Head B. V. Historia Numorum. Oxford, 1911. № 695; Burcher. Kalynda // RE. Bd. X (II). 1919. St. 1771 sqq; Kraay C.M. Archaic and classical Greek Coins. California, 1976. P. 23.

²² Laidlaw W.A. A history of Delos. Oxford, 1933. P. 44; Santerre H.G. de Delos primitive et archaïque. Paris, 1958. P. 151; Bryce T.R. The Arrival of the Goggles Leto in Lycia // Historia. Vol. 32. 1983. H. 1. P. 5 ff; Лукач Й. Пути богов. М., 1984. С. 163; Лосев А.Ф. Аполлон // Мифы народов мира. Т. I. М., 1991. С. 94.

ним²³, регионом бытования и почитания был юго-западный край Анатолии. Видимо, не случайно Аполлон устами служителей Дельфийского оракула время от времени продолжал вещать на языке родины Геродота (Her., VIII, 133 сл.; Plut. Arist., 19). Именно каролийский регион имеет на своей территории поразительное количество материалов и свидетельств об очень древнем, еще до ионийской колонизации XI-X веков, почитании здесь культа, известного у хеттов как Апулун (бог ворот города), у тирренов – Аплу, а у эллинов – Аполлон.

Так, расположенная возле целебного источника на границе Кари и Ликии Тельмесская община издревле не столько практиковала гаруспицию (Her., I, 78; Arr. Anab., I, 25; Cic. De divin. I, 41-42), сколько славилась своей лечебной деятельностью (Plin. Nat. Hist., XXX, 1). И если действительно прав Эвгемер, когда со ссылкой на наличие могил Зевса (Крит) и Аполлона (Дельфы) утверждал, что древние боги изначально были выдающимися царями или прославленными при жизни героями (Cic. De nat. deor. I, 119; Sext Empir. Contra Sc. IX, 51), то сказанное им в полной мере относится к Аполлону. Явно не случайно именно к западной Анатолии позднее относили его рождение Латоной в виде волчицы Антонин Либерал (35) и в своих «Метаморфозах» Овидий (VI, 316 слл), откуда и его позднейшая эпikleза Λυκίος – «волчий»²⁴. Здесь же, на юге Малой Азии, по приказу Феба – покровителя прорицателей и врачей – поселился по окончании Троянской войны его внук, сын Асклепия, Подалирий (Hom., II, II, 729 сл; Paus., III, 26, 10), а сама земля Аполлона Волкорожденного (Λυκῆναιος) с тех пор как будто и стала называться Ликией (Hom. II., IV, 101; Ael. Nat. anim., 26)...

Гонимые Миномом, сюда бежали Сарпедон с приятелем Милетом, основав по прибытии на побережье Малой Азии города Ми-

²³ Мы имеем ввиду аргументацию ряда исследователей (подробнее об этом см.: Откупщиков Ю.В. ΑΠΟΛΛΩΝ (мифолого-этимологический этюд // Античный мир. СПб., 1998. С. 38-39; Горожанова А.Н. Аполлон Ликийский (по данным «Илиады» Гомера) // Мнемон. Вып. 3. СПб., 2004. С. 346-347) по выведению этимологии Аполлона на (палео)-балканской основе, противостоящую хеттологам в их возведении имени дельфийского бога к хеттскому Апулуну.

²⁴ Томсон Дж. Исследования по истории древнегреческого общества. Т. I. М., 1958. С. 123-125.

лет и Кавн (Apollod. Bibl. III, 1, 2; Ant. Liber. Met., 30). Тогда же неподалеку от этих городов критские беглецы основали два святилища Аполлона: чуть южнее Милета – Дидимы, а восточнее Кавна – Тельмессу (помимо указанных, античная традиция в лице Геродота (I, 182) и Плиния (Nat. Hist., XXXI, 22) фиксирует также оракулы Аполлона в Патарах и Лимире). И подобно Телефу, по совету Аполлона Тельмесского отправившемуся на Балканы ради излечения раны, по совету того же оракула прибыл чуть позднее под Трою союзник Приама Сарпедон (Hom. II., XII, 290-413).

Между тем, Телеф и Сарпедон были не первыми героями Тельмесской земли. Где-то в этих же краях юго-западной Анатолии вел на Пегасе победный бой с Химерой дед Сарпедона, герой Беллерофонт (Paus., II, 4, 1). Телеф, Сарпедон и Беллерофонт в конце жизненного пути нашли свое упокоение на ликийской земле, о чем свидетельствовали как могилы героев²⁵, так и обильный эпиграфический материал. Согласно последнему, в частности, становится очевидным, что вплоть до римской поры ликийцы почитали Сарпедона и Беллерофонта в качестве эвергетов (LBW №№ 1244, 1251), а аристократия к последнему возводила свои генеалогические корни (TAM, II, 1, 283, 309; II, 2, 548).

Свидетельствуют об этом не только постановления городов и декреты династов VII-IV веков, но и надписи на великолепно сохранившихся доселе монументах и гробницах Ликии. Более чем вековое их изучение, от Ч. Феллоуза до Яна Заале²⁶ включительно, делает ныне практически неоспоримым факт генетического и типологического их родства с до-Микенскими (миное-пеласгическими) тумулосами Балкан, особенно – Истма и Арголиды, сводчато-купольные толосы которых возводили, согласно мифам, уроженцы Ликии киклопы (Strabo, VIII, 11, 1). Среди же собственно ликийских гробниц встречается немало украшенных красивыми резными входами в виде алтарей или портиков. И здесь исследователи вновь оказываются в мире архаических мифологем и образов.

Так, среди упомянутых монументов уже более полутора веков, начиная с первой публикации о ней в 1842 г. Ч. Феллоуза, выделяется

²⁵ Клейн Л.С. Бесплотные герои. СПб., 1994. С. 168-170.

²⁶ Fellows Ch. Coins of Ancient Lycia. London, 1855; Fouilles de Xanthos. Vol. 1-9. Paris, 1958-1992; Childs W. The city reliefs of Lycia. Princeton, 1978; Zahle J. Archäologische Studien lykischer Felsgräber. Copenhagen, 1983.

ксанфская так называемая Гробница Гарпий. Детальное обследование ее Ф. Тритчем, предпринятое спустя столетие после Феллоуза, позволило внести целый ряд принципиальных корректив в трактовку образов центрального рельефа, найти сходные параллели ему в искусстве Ассирии, Вавилонии и Персии²⁷. При этом новые трактовки не могли ничего добавить к тому очевидному факту, что на краях рельефа усыпальницы сына Гарпага были изображены гарпии. В античной мифологии эти демонические полуженщины-полуптицы считались внезапными похитителями юных душ умерших, но для мифографов они запомнились прежде всего преследованиями Финея, соперника Персея за руку Андромеды (Apoll. Rhod., II, 176 ff).

Согласно традиции, герой избавился от соперника, обратив его в камень с помощью отрубленной головы медузы Горгоны (Apollod. Bibl., II, 4, 3). Именно Горгона и изображена на гробничном алтаре ликийской Эльмали, здесь же рядом и ее пара-двойня: Пегас и великан Хрисаор²⁸. Последний, рожденный из крови отрубленной Персеем головы чудовища, почитался как национальной культ на ежегодном празднестве в соседней с Ликией Карии, а сам народ каров традиционно именовался *ἔθνος τοῦ Χρυσαιορέων* (LBW № 399 = SIG № 2693). Из крови Горгоны родился и крылатый конь Пегас, помогавший вначале ликийскому герою Беллерофонту в его борьбе с трехглавой Химерой, а затем ставший символом поэзии и неизменным атрибутом круга Мусагета.

Так или иначе, с культом Аполлона связывают и саму Горгону. За святотатственное поведение в храме покровитель муз превратил некогда ослепительную красавицу в жуткое чудовище, какой уже и предстает медуза Горгона в мифах греков (Apollod. Bibl., II, 4, 2; Hes. Theog., 270 ff), а помимо Балкан – на рельефах Ликии, в частности в Эльмали неподалеку от Тельмессы – древнего святилища Аполлона на юго-западе Анатолии.

Позднее, когда в середине IV века до н.э. волею Мавсола в синойкированный Галикарнасс влилась карийская часть Тельмессы, ее Аполлон, потеснив Зевса Хрисаорея-Осогоа, становится таким же ведущим культом Карии, как и Ликии²⁹. Очевидно, тог-

²⁷ Tritsch F.J. The Harpy Tomb at Xanthus // JHS. Vol. 62. 1942. P. 43-49.

²⁸ Mellink M.J. Excavations at Karatas-Semayuk and Elmali in Lycia // AJA. Vol. 75. 1971. № 3. P. 248.

²⁹ Hicks E.L. Inscription from Telmissos // JHS. Vol. 14. 1894. P. 277 f; Robert L. Le Carien Mys et l'oracle du Ptoon // Hellenica. Vol. 8. 1950. P. 23-26; Laumonier A. Les cultes indigenes en Carie. Paris, 1958. P. 22 sqq.

да же, если не раньше, на территории этноса Хрисаорейского, т.е. каров, стали активно действовать святилища как самого Аполлона (LBW №№ 339, 415, 501), так и его наследников, в том числе – Асклепия, возле мыса Триопий недалеко от Книда³⁰.

Последующая судьба культов Зевса и Аполлона, особенно в эпоху Рима, оказалась различной. Если первый, синкретизируясь с иудейским Яхве в Юписиста (Высочайшего), постепенно трансформировался в образ Отца-Саваофа, то второй, пережив славу Бога-Врача и личного покровителя ряда римских императоров³¹, из прорицающего Феба в эпоху ранней патристики «эволюционировал» в Люцифера³².

Это, однако, не сказалось на судьбе дочери Аполлона, пророчицы-сивиллы Герофилы (Plut. De Pyth. orac., 6-9), предсказавшей еще до своей смерти в сверхпреклонном возрасте в Троаде (Paus., X, 12, 5) как спасение из горящей Трои родоначальника римлян Энея, так и – что важнее – грядущее рождение Спасителя мира, Христа. Последнее обстоятельство, надо думать, и обеспечило Сивилле почетное место на фресках Рафаэля в Ватикане.

Впрочем, история культа Аполлона в эпоху античности и Рима – за рамками данной темы. Прослеженный же выше материал данных археологии и эпиграфики, вкупе с античной мифологической традицией, позволяет в исследовании истоков эллинского Аполлона с особым вниманием относиться к наследию западной Малой Азии. Не секрет, что в складывании культа императоров Рима как до, так и после эпохи Принципата ощутимо незримое воздействие этого региона Анатолии, что можно проследить начиная с этрусских лукумонов и кончая, скажем, теми же пророчествами Сивиллиных книг³³. При этом свою лепту, не столь, быть может, замет-

³⁰ Bean G.E., Cook J.M. The Cnidia // BSA. Vol. 47. 1952. P. 194f; Круглов Е.А. Мавзолей и архаическая культура Карики // Идеология и политика в античной и средневековой истории. Барнаул, 1995. С. 29-31.

³¹ Подробнее об этом см.: Круглов Е.А. Греческие боги-огненосцы в древнем Риме // Мнемон. Вып. 2. СПб., 2003. С. 205-227.

³² Подробнее см.: Рабинович Е.Г. Выработка стратегии поведения в поздней античности (Феб-Люцифер) // Этнические стереотипы поведения. Л., 1985. С. 98 сл.

³³ Drews R. Light from Anatolia on the Roman Fasces // AJPh. Vol. 93. 1972. № 1. P. 46 f; Немировский А.И. Этрусски. От мифа к истории. М., 1983. С. 114, 198; Чернышов Ю.Г. Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» в Древнем Риме. Ч. I. Новосибирск, 1992. С. 68 слл.

ную в сравнении с вышеуказанными примерами, в фундамент императорского культа Рима внесло и учение Эвгемера. Возникший в эпоху буйно расцветшего обожествления эллинистических царей и передавший по эстафете эту философски обоснованную концепцию Риму, эвгемеризм – в свою очередь – подпитывался многовековой традицией Ближнего Востока. И здесь, видимо, далеко не последнюю роль играл аристократический культ Аполлона с его заметной каро-ликийской (тельмесской) составляющей.

